

УДК 398.332.33(470.22)
ББК 63.5(2Рос.Кар)

СЕВ И ЖАТВА: ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ КАРЕЛОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА¹

ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЛИТВИН

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
Российская Федерация, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

***Аннотация.** На основе этнографических описаний конца XIX — начала XX в., материалов первых комплексных этнографических экспедиций в Карелии 1950–1970-х гг., а также лексических данных в статье проанализированы земледельческие занятия карелов (сев и жатва) сквозь призму гендерного подхода. Карелам были известны две формы землепользования — подсека и трехполье. Подсека имела распространение у всех групп карелов и сохранила свое значение вплоть до коллективизации.*

Автор делает вывод о схожести обих элементов гендерной символики сельскохозяйственных обрядов карелов с соседними этническими группами, а также с русской традицией. Так, засевание поля соотносилось с актом символического оплодотворения земли и выполнялось мужчинами, тогда как уборка урожая, в которой принимали участие женщины, олицетворяла ее роды, а жницы выполняли роль повитух. Вместе с тем ориентация на аграрно-промышленный тип хозяйствования отразилась на повседневных практиках карельских крестьян — сеятелем в случае отсутствия трудоспособных мужчин на промыслах или в военное время могли стать женщины. Подобная «инверсия» гендерных ролей была вынужденной и носила односторонний характер — женщины могли выполнять мужскую роль в качестве сеятеля, однако собранные материалы и привлеченные источники не содержат сведений об участии мужчин в жатвенных обрядах.

***Ключевые слова:** хозяйственные занятия, этнография карелов, гендерный подход.*

Работа в русле гендерного подхода предполагает особый взгляд на, казалось бы, изученные сюжеты. Данная особенность определила исследовательский ракурс и тематику статьи, в центре внимания которой находятся фигуры сеятеля и жницы в традиционном земледельческом календаре карелов. Интерес к подобным сюжетам в Карелии возник недавно, несмотря на бурный рост исследований по проблемам половозрастного символизма в России начиная с 1980-х гг., поз-

же с использованием гендерного подхода в этнологии и антропологии [Кон 1983; Бернштам 1985; 1988; Пушкарева 1989; 1997; Этнические стереотипы 1991; Кабакова 2001; Мужики и бабы 2005; Олсон, Адоньева 2016 и др.].

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ИСТОЧНИКИ

Лакуна, связанная с изучением гендерного символизма традиций землепользования у карелов, преимущественно

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Народы Карелии: этнические и этнолокальные традиции в исторической динамике», номер государственной регистрации АААА-А18-118030190092-2.

объясняется особенностями становления и функционирования этнографической школы в Карелии. Карельская этнографическая школа была создана в 1955 г. Р.Ф. Никольской (Тароевой) после защиты ею кандидатской диссертации на тему «Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. (по материалам района Калевалы)» [Винокурова, Логинов 2010, 134]. Р.Ф. Никольская была первой исследовательницей, систематически изучавшей материальную культуру и хозяйственные занятия карелов [Тароева 1965; Материальная культура 1981; Никольская 1983 и др.]. В 1960–1970-е гг. исследовательские акценты карельских этнографов сместились на изучение современной городской и сельской семьи, рабочего класса с использованием методов этносоциологии, а также обрядов жизненного цикла народов Карелии и календарной мифологии [Верхний Олонец 1964; Сурхаско 1977; 1985; Кожанов 1986; Клементьев 1988; Конкка 2013, 2015; Обряды и верования 1992; Обряды и верования 1994]. Вместе с тем сюжеты, в которых рассматривались хозяйственные занятия карелов, так или иначе присутствовали в работах российских и финских ученых [Маслова 1980, 220–226; Материальная культура 1981; Hautala 1982; Суйсарь 1997; Деревня Юккогуба 2001; Панозеро 2003; Прибалтийско-финские народы 2003; История и культура Сямозерья 2008]. Значительным подспорьем при написании статьи стал сборник «Праздники и будни». В него вошли полевые материалы составителей, архивные и опубликованные тексты и исследования на карельском, финском и русском языках, представленные в соответствии с народным календарем карелов [Огнева, Конкка 2013].

Используемые в статье источники можно разделить на две большие категории в соответствии с их видовой принадлежностью и целью создания: этнографические фиксации конца XIX — второй половины XX в. и лингвистические данные. К первой группе относятся материалы российских бытописателей о традициях землепользования в карельской деревне [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32; N1894; Никольский 1906; Руотси 1913], а также полевые записи этнографических экспедиций 1950–1970-х гг., осуществленных

под руководством Р.Ф. Никольской [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6; Там же. Оп. 20; Там же. Оп. 29]. Полевые дневники карельских этнографов содержат информацию о культуре карелов ливвиков и людииков, проживавших на территории Кондопожского и Пряжинского районов, и собственно карелов территории Сегозерья и Медвежьегогорского района: сведения о традиционной архитектуре, хозяйственных занятиях, орудиях труда, средствах передвижения, одежде, пищевой культуре, обрядах жизненного цикла. Наиболее информативными для целей статьи были записи, сделанные Р.Ф. Никольской и Н.И. Подволокиной. Безусловную ценность для этнографа представляют также материалы финских исследователей, в частности, подготовленный А. Рантасало том по земледельческой магии для издания «Suomen kansan muinaisia taikvoja» (далее — SKMT), который условно можно перевести как «Древняя магия финского народа» [SKMT III].

Вторая группа источников представлена словарями и так называемыми «образцами карельской речи». Обращение к словарям неслучайно — их использование позволило не только уточнить ряд диалектных названий земледельческих операций и действующих лиц, но и включить в текст яркие примеры применения терминов в быту [Карельско-русский словарь 1999; Сопоставительно-ономасиологический словарь 2007; KKS I–VI; Lyydiläismurteiden sanakirja 1944]. С этой же целью привлекались «образцы речи» — интервью, записанные для изучения диалектов карельского языка российскими и финскими языковедами в 1960-х гг. «Образцы речи» содержат не только лингвистический материал, но и ценные сведения о повседневной жизни карельского населения конца XIX — начала XX в. и его хозяйственных занятиях [Lyydiläisiä tekstejä 1963; Макаров, Рягов 1969].

Используя комплекс опубликованных работ, этнографические источники и лингвистические данные, автор статьи проанализировала земледельческие занятия карелов сквозь призму гендерного подхода и уделила особое внимание фигурам сеятеля и жницы. Сев и жатва — земледельческие операции, в полной мере отразившие представления о женских

и мужских функциях, имевших этнокультурную специфику в Карелии.

СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Земледелие с древнейших времен составляло основу хозяйственной жизни карелов. Благодаря природно-климатическим условиям в Северо-Западном Приладожье — территории расселения предков собственно карелов — умеренноконтинентальному климату, мягкой зиме, суглинистым почвам, а также распространению сохи пашенное земледелие получило здесь развитие уже в начале II тыс. н. э. [Кочуркина 2015, 49]. По мере продвижения карелов на восток происходило хозяйственное освоение территории Онежско-Ладожского водораздела. Археологи И. М. Экман и А. П. Журавлев датировали обнаруженные на южном берегу Сямозера следы земледелия 1080–1160 гг. н. э. [Спиридонов 2013, 69].

В пищевых целях карелы возделывали рожь (с-к. *ruis*; ливв. *ruiš*; люд. *rugiz²*), ячмень (с-к. *osra*, *osrani*; ливв. *ozru*; люд. *ozr*), овес (с-к. *kakra*; ливв. *kagru*; люд. *kagr*, *kagre*) и пшеницу (с-к. *nisu*, *vehnä*; ливв. *nižu*; люд. *niž*, *nizi*, *niži*). Пшеницу сеяли преимущественно в южной части Карелии. В Средней и Северной Карелии — на территории Сегозерья и Беломорской Карелии — выращивали рожь, овес и ячмень — наиболее устойчивые к погодным условиям Севера быстросозревающие и неприхотливые культуры [Никольский 1906, 3; Кочуркина 2011, 160]. По данным конца XIX в., в крае преобладали рожь и овес, занимая в целом 70–90% всей посевной площади в Олонецкой губернии. Тогда как на севере продолжали выращивать преимущественно ячмень и рожь — 56,7 и 31,3% от всей посевной площади уезда соответственно [Баданов 2005, 103]. На лесных подсеках часто сеяли репу,

которая была значительным подспорьем в рационе крестьян.

Карелам были известны две формы землепользования — подсека и трехполье. Подсека (с-к. *kaški*, *kaski*; ливв. *kaske*; люд. *kaske*, *kašk*) имела распространение у всех групп карелов вплоть до коллективизации³ [Клементьев 2003, 220]. Она была незаменима для увеличения площади пахотных угодий за счет лесных участков. Засевали подсеку обычно на третий год. Однако в случае преобладания хвойных лесов посев мог осуществляться на четвертый год, поскольку комли — основания деревьев хвойных пород — оставались сырыми после первого пожара. Такая подсека засеивалась однократно и применялась редко, например, с целью скрыть разработки от государства, поскольку на расчищенном участке на долгое время оставалось много елей и сосен со снятой корой [N1894, 6–7; Тароева 1965, 24].

Участок, выбранный под подсеку, столбили — по периметру участка делали на деревьях зарубки. Затем с больших деревьев снимали кору для ускорения высыхания. Мужчины рубили топором толстые деревья, женщины обрубали все кусты, ветки, тонкие деревья, а также косили поросль и кустарники. Срубленные деревья складывали в кучи и через год сжигали. Подсеку палили обычно весной после возвращения мужчин с заработков между днем св. Георгия и днем св. Николая Чудотворца или летом в Петров пост [Lyudiläisiä tekstejä 1963, 275; Тароева 1965, 24;]. Время вырубki варьировалось в зависимости от наличия свободного времени у семьи, количества рабочих рук, размера подсеки, погодных и других условий. Однако работу старались закончить до наступления сухих дней [Макаров, Рягов 1969, 146]. При этом вокруг участка выкапывали канавы с целью защиты окружающего леса, а горящие деревья

² Здесь и далее диалектная лексика указана по словарям: Карельско-русский словарь 1999; Словарь 1990; Сопоставительно-ономастиологический словарь 2007; KKS I–VI; Lyudiläismurteiden sanakirja 1944.

³ Давние традиции применения этой формы землепользования отражены в терминологии, которая описывает разное состояние земли, определенной под подсеку: *rasi* (с-к.), *rasi* (ливв., люд.), *raži* (люд.) — вырубленная два года назад, но не паленая подсека; *kaskihalmeh* (ливв.) — засеянная подсека; *rajakko* (ливв., люд.) — заброшенная лесная пашня, подсека; *palo* (с-к., ливв., люд.) или *huhhta* (с-к.), *huhthu* (ливв.), *huhht* (люд.) — пал, пожар, сожженная подсека; *pergamat palo* (ливв.) — неочищенная подсека.

перекатывали так, чтобы зола равномерно распределилась по земле [Тароева 1965, 24].

Известна одежда, в которой производились работы по выжиганию подсеки. Так, сяозерские и олонецкие карелы надевали холщовые порты и рубаху, женщины и девушки под рубаху и рабочую юбку надевали мужские порты. Обязательны были головные уборы и лапти «вирзут» (с-к. *virsut*; ливв. *virzut*; люд. *virz*, *virzu*) или «лётто» (с-к. *löttö*; ливв. *löpöit*; люд. *löpüöi*)⁴ [Макаров, Рягоев 1969, 144; Логинов 2008, 158–159]. Ливвикам были также известны *kalzu* — чулки без ступни, которые надевали женщины на подсеке или во время жатвы [Словарь 1990, 122]. Ноги старались как можно чаще смачивать, чтобы не сторела обувь. Уборка подсеки от деревьев производилась женщинами. Крестьянка из д. Коткозеро вспоминала: «Таскаешь их, таскаешь (деревя)... В саже, как чучело, одни только глаза видны на лице да зубы... Сплюнешь — даже слюна черная. С такой работы, как придешь домой, первым делом надо баню истопить» [Карельская крестьянка 2012, 163].

Использование архаичных систем земледелия способствовало сохранению древних приемов и орудий труда. Соха (с-к. *uatra*, *adra*; ливв. *adru*, *paloladru* «огнищевая соха»; люд. *adra*, *adr*) неглубоко пахала землю и была удобна на узких крестьянских полосах, особенно в лесной зоне, на легких лесных почвах, покрытых валунами и содержащих много пней и корней. Еще одним древнейшим сельскохозяйственным орудием для обработки почвы была борона-суковатка или смык (с-к. *aštivo*, *aštiva*; ливв. *aščivo*, *astova*, *kuwziine astuw* «борона-суковатка»; люд. *aštivo*, *äges*). Она представляла собой связанные половинки недлинных еловых бревен с оставленными на них длинными сучками для рыхления вспаханной земли. Для обработки земли также использовались мотыги (с-к. *kuokka*; ливв. *kuokki*, *kuokko*, *kuakku*; люд. *kuokke*, *kuakk*, *kuok*).

В первый год на подсеке сеяли рожь, во второй — овес, на третий — ячмень или

репу. Яровые культуры южные карелы начинали сеять со дня памяти вмч. Георгия Победоносца (6 мая по н. ст.⁵), северные карелы — после дня памяти Николая Чудотворца (22 мая) [Клементьев, 2001, с. 220]. Начало посевных работ не было фиксированным, прежде всего крестьяне ориентировались на рост и созревание диких растений. Вместе с тем существовали устойчивые приметы, основанные на принципах продуцирующей и профилактической (предохранительной) магии.

Сенокос начинался после сева, обычно с наступлением сухих дней в июле. Для уборки сена использовали косы-горбуши (с-к. *viikateh*; ливв., люд. *vikateh*). Такая коса имела короткую рукоять и чуть искривленное косовище. Особенностью работы с ней была косьба на обе стороны с перекладыванием косы из одной руки в другую. В Карелии такие косы сохраняли свое значение и в послевоенные годы, поскольку отлично подходили для кошения трав на неудобных участках [Кочуркина 2011, 161]. Косы-стойки или литовки (ливв. *stoikku*, *litowhku*; люд. *stoik*) с длинной (до 1,5 м) и прямой рукоятью появились сначала на территории Южной Карелии, повсеместное распространение они получили только с 1930-х гг. Первые железные плуги и бороны заводского и кустарного производства появились в зажиточных крестьянских хозяйствах в начале XX в. [Этнография 1987, 196; Клементьев 2003, 221].

Для сбора урожая карелы использовали серпы (с-к. *čirppi*; ливв. *širpi*; люд. *čirpi*, *čirp*) двух видов. Первый представлял собой сильно изогнутый инструмент с зазубренным режущим краем и прямой рукояткой. Второй вид, зафиксированный на границе с Финляндией, имел гладкий режущий край и изогнутую рукоятку [Тароева 1965, 27; Клементьев 2003, 220; Спиридонов, Герман, Мельников 2012, 62]. В последней трети XIX в. под влиянием олонецкого земства и благодаря внедрению в учебных заведениях занятий по сельскому хозяйству и огородничеству крестьяне познакомились

⁴ *Virzut* и *löttö* отличались между собой качеством и способом вязки. Первые плелись из 4–5 берестяных полосок и отличались более высокой прочностью. Для изготовления второго типа лаптей использовалось меньше полосок, они отличались низкими боковыми бортами и крепились завязками вверх по голени.

⁵ Здесь и далее даты праздников указаны по новому стилю.

с техническими новшествами и необычными для карельской деревни пищевыми культурами — картофелем, капустой, свеклой, морковью [Клементьев 2003, 221; Илюха 2007, 223–224]. Вместе с тем новаторские идеи земства незначительно повлияли на традиции землепользования большинства карельских крестьян.

СЕВ И ФИГУРА СЕЯТЕЛЯ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Повсеместно сев считался прерогативой мужчин. Женщина могла принять участие в бороновании или пахоте, но сеяли крестьяне-мужчины. Гендерная дифференциация была связана с комплексом представлений о севе как символическом оплодотворении земли, тогда как уборка урожая, в которой принимали участие женщины, олицетворяла ее роды [Холодная 2005, 597]. Данное представление нашло отражение в народной лексике: карелы почитали землю, называя мать-земля кормилица (*moa-emä syöttäizeni*) [Иванова 2016, 383].

В карельской традиции сеять начинал старик — это считалось его почетной обязанностью [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 282. Л. 5]. Термин «старик» мог использоваться в двух значениях: во-первых, стариком члены семьи могли называть пожилого, но еще крепкого хозяина, большака; во-вторых, так могли обращаться к мужчине, который утратил трудоспособность и общественную значимость и передал большину своему старшему сыну [Олсон, Адоньева 2016, 74–75]. У многих восточных славян пахота и сев производились чаще всего нестарым мужчиной, который являлся источником плодородной силы и был способен передать ее своему хозяйству, или же дряхлым стариком, фигура которого олицетворяла «чистоту» и близость к Богу⁶. Карельские материалы свидетельствуют о том, что сеятель был пожилым, но еще не дряхлым мужчиной. Данный тезис подтверждается самостоятельностью действий, выполняемых крестьянином на поле, а также некоторыми этнографическими и лингвистическими данными.

Зерно рассеивали рукой справа налево из берестяного лукошка (с-к., ливв. *komšū*; люд. *komša, komš*). Рядом шел помощник, член семьи и замечал ряд. Ценилось умение равномерно засеять участок и рассчитать количество семян на всем пожоге [Макаров, Рягоев 1969, 147]. Лексические материалы содержат сведения о связи физической силы крестьянина с успешными посевными работами. Так, в Суоярви в бездетной семье жена могла в инсказательной форме обратиться к супругу как к носителю производящей силы, от первоначальных действий которого зависит благополучие семьи и хозяйства: «*Jogo rugehhet kylvit? — vaimo miehelleen, joka moittii häntä lapsettomuudesta, — miungo dielo on: midä kylväd ga sidä i kazvoa, midä kynnäd, ga sidä i leikkoat!*» — А ты уже рожь посеял? — (спрашивала) жена мужа, который упрекал ее в бездетности, — мое ли дело: что посеешь, то и вырастет, что вспашешь, то и пожнешь!? [KKS II, 518]. В этой фразе прочитываются распространенные у всех земледельческих народов представления о параллели между засеянным полем и благополучной брачной жизнью.

Перед севом ржи в Сямозеро и Суоярви мужчины брали с собой обрядовые хлебцы, изготовленные и освященные на Крестопоклонной неделе, которые до начала посевных работ хранились в закроме. Перед работой мужчины откусывали от хлебцев несколько кусочков, остатки забирали домой и скармливали животным [Маслова 1980, 223; Огнева, Конкка 2013, 121–122]. Когда шли сеять овес, крестьяне затыкали за пояс топор и клали с кошель выпеченный в Рождественский сочельник ржаной пирог (ливв. *sünnün leibü*), который также после сева отдавали скотине [Маслова 1980, 222–223]. Обрядовый хлеб выполнял продуцирующую и охранительную функцию, использовался по аналогии с «засевной паской» у восточных славян [Холодная].

Существовавший запрет на сев женщиной нередко нарушался в связи с производственной необходимостью, прежде всего развитым отходническим промыслом.

⁶ В последнем случае старика, поддерживая под руки, выводили на поле сыновья, где он осуществлял ритуальный засев, после чего сыновья приступали к работе [Холодная 2005, 597].

⁷ Кроме того, данный пример иллюстрирует стратегию защиты карельских крестьянок в ситуации бездетности, в которой чаще обвиняли женщину.

Сельскохозяйственные орудия: соха, борона, подсанки, вилы, грабли. Фотография И. А. Никольского. Из книги «Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии: Иллюстрированное издание». Петрозаводск, 1905. С. 79

Agricultural implements: a plow, a harrow, a sledge, a hayfork, a rake. Photo taken by I. A. Nikol'skiy. From the book "Craft production and handmaid earning of peasants of Olonets province: an illustrated book". Petrozavodsk, 1905. P. 79

Если время отхода совпадало с началом полевых работ, в семье использовали все свободные рабочие руки. По свидетельству очевидца начала XX в. в Беломорской Карелии, «...кое-как подготовленные полевые работы исполняются тогда женщинами под руководством стариков⁸ и немногих оставшихся дома членов мужского населения, случается, что карелка допахивает поле, она же и засеивает» [Руотси 1913, 253]. Уроженец д. Кукой-наволок Олонецкого уезда в начале XX в. вспоминал, что женщины готовили поле, а мужчины вспахивали его и засеивали после возвращения с весенних заработков [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 46. Л. 34]. При этом работа в огороде, включая сев овощей, считалась женской обязанностью. По наблюдениям земского учителя Петра Миролюбова в с. Ильинском Олонецкого уезда, «...карелы осмеивали мужчин, занятых в огороде» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32.

Л. 40б]. Женщины на огороде совершали действия продуцирующей магии, аналогичные действиям мужчин на поле. Так, например, карелки в Суйстамо при посадке капусты задирали подол, чтобы кочаны выросли крупными [Hautala 1982, 235].

Из технических культур для собственного использования выращивали лен в Южной Карелии (с-к. *pellavas*; ливв. *pelvahaht*; люд. *pelvaz, peuvaz, peuvaz*) и коноплю (с-к., ливв. *liinu*; люд. *lin*). В Сямозерье для льна на полях устраивали специальные участки «пелвасы» (*pelvasmuu, pelvashuuhtu*), удобряемые за счет сжигания вывезенных из леса древесных отходов [Логинов 2008, 154–155]. Сеяли лен мужчины. У ливвиков Ангелахты и Эссоилы мужчины брали с собой на поле вареные яйца, которые там же и съедали⁹. Яйцо в агарных обрядах являлось символом жизненной силы и плодородия, а также залогом белизны будущего льна (проводилась аналогия

⁸ В этом примере, по-видимому, речь идет о пожилых мужчинах, больше не способных выполнять хозяйственные функции и передавших большину.

⁹ Схожие ритуалы при посеве льна были известны вепсам. При этом если ливвики съедали яйцо перед севом, то прионежские вепсы крошили его на поле уже после работы, чтобы лен рос белым и длинным. С целью стимуляции роста льна оятские, капшинские и белозерские вепсы подбрасывали яйцо вверх [Винокурова 2016, 290].

с цветом яйца и растения). Широкое распространение у восточнославянских народов получил ритуал обнажения при вспашке поля под лен и его севе [Зеленин 1991, 57]. Схожая традиция зафиксирована у финнов — на территории от юго-запада до северо-востока, на границе с Карелией [SKMT III, § 1069, 1357–1359, 1358, 1362]. Исходя из данных по сопредельным территориям, можно предположить, что карелы также были знакомы с этой традицией. Этнограф Д. К. Зеленин писал, что, согласно народным представлениям, в основе такого действия «лежит стремление вызвать сострадание природы, чтобы она вырастила лен для одежды» [Зеленин 1991, 58]. Т. А. Бернштам объясняла откровенные эротические мотивы при севе льна тем, что лен и конопля имели «женское» начало [Бернштам 1988, 136], в то время как рожь воспринималась как «мужская» культура — кормилица семьи, главный пищевой злак¹⁰ [Кабакова 2001, 227].

Независимо от половой принадлежности сеятеля, весь комплекс работ по выращиванию и обработке льна производился женщинами. Лен первых двух начесов из более тонких ниток использовался для полотенец, третьего — для шитья нижних юбок-станушек [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 55. Л. 2]. После распространения одежды заводского производства потребность в дмотканых льняных изделиях сократилась. Однако в период экономических кризисов, например в послевоенные годы, традиция выращивания и обработки льна могла возродиться. Так, в частности, поступили карелы Пряжинского (Святозерский и Ведлозерский сельские поселения) и Олонецкого районов, которые выращивали лен в 1950-е гг. на огородах [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 282. Л. 20].

¹⁰ Вместе с тем в нашем распоряжении есть сообщение 1974 г. из дер. Карельская Масельга о том, что именно женщины засевали лен, тогда как мужчины сеяли в поле только коноплю: «Мужики только в поле коноплю сеяли... А бабы лен там растили: (землю) пахали, потом сеяли» [Материальная культура 1981, 42].

¹¹ См., например: *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; *Винокурова И. Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994; *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001; *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX века). СПб., 1993; *Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря* / Под общ. ред. И. И. Шангиной. СПб., 2001; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979; *Шангина Н.* Жнея // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 215–220 и др.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СБОРЕ УРОЖАЯ И ЖАТВЕННЫХ ОБРЯДАХ

После сева и сенокоса начиналась жатва (с-к., ливв. *leikkoamine*; ливв. *leikkuamine*; люд. *rahnomiine*). Известен обряд, распространенный у некоторых карелов Сямозерья. Перед жатвой большуха подвешивала серпы к иконам, за которыми хранились хлебцы с узором из теста в виде креста (с-к. *ristuleibiä*; ливв. *ristuleibü*), испеченные в канун Крестопоклонной недели. Делалось это с целью повышения урожайности зерна [Логинов 2008, 155].

Жать обязательно начинала старая женщина. Здесь, как и в случае с фигурой сеятеля, подразумевался не биологический возраст жницы, а ее социальный статус в семье как хозяйки, большухи. После срезания первых снопов к работе присоединялась вся семья. Особое значение придавали первым сжатым колосьям, а первый сноп повязывали на спину, чтобы она не болела в период страды [Клементьев 2003, 222]. Несмотря на участие всех трудоспособных членов семьи в уборке урожая, главная роль в жатвенных обрядах принадлежала женщине. Земля в народных представлениях олицетворяла женский организм: период созревания зерна символизировал беременность. Соответственно начало жатвы соотносилось с процессом разрешения от бремени, а женщины — с повитухами [Клементьев 2003, 222; Шангина 2005, 216]. Существует обширная литература по теме роли женщины в жатвенных обрядах¹¹. Немногочисленные карельские материалы по исследуемой теме подтверждают данные о том, что к зажинальщице, как и к повивальной бабке, предъявлялись определенные требования, в число которых у карелов входило соответствие возрастным

Женщина на пожаре. НА КарНЦ РАН. Ф 1. Д. 33.
№ 13 б/д

A woman at the burnt field. Scientific archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 33. No. 13 without date

критериям (30–50 лет) и «легкая рука» [Keinänen 2003, 165]. Во время работы жницы старались не отставать друг от друга, не позволяли другим женщинам переходить через сжатую полосу, не подменяли соседок по работе до конца рабочего дня [Тароева 1965, 27]. Помимо утилитарного значения — стремления вовремя собрать урожай, — в данных действиях заложен и знаковый смысл. Урожай — символ жизни, хозяйственного благополучия и семейного достатка. Рождение зерна является метафорой начала новой жизни человека, что прослеживается во многих ритуалах жизненного цикла [Байбурин 1993, 214]. Если рассматривать жатву как метафору жизни, то приведенные выше обряды можно объяснить стремлением удлинить жизнь, что обеспечивалось, в частности, непрерывностью процесса работы на «своей» полосе. Связь жатвенных обрядов с долголетием подтверждается следующим обрядом. После работы жницы закидывали серп за себя и смотрели: если он втыкался концом в землю, это считалось свидетельством будущего долгожительства, если боком — расценивалось как знак скорой болезни или смерти женщины [Тароева 1965, 27].

Снопы собирали в суслоны (с-к. *kuhilas*; ливв., люд. *kühläs*) по 5 или 10 снопов.

Затем сено складывали в скирды обычно по 70–80 снопов и оставляли на участке. После такой предварительной просушки снопы досушивали уже на пряслах, которые располагались рядом с ригой (с-к., ливв., люд. *riihi*) [Тароева 1965, 27]. Цикл данных работ осуществлялся всей семьей, включая детей в возрасте от семи лет.

Жатва была одной из самых тяжелых полевых работ, поскольку приходилась на жаркое время года и требовала быстроты. Наличие большого числа работников в большой семье позволяло закончить уборку урожая вовремя. В малых семьях для этого устраивались дожинки, помочи (с-к., ливв. *talkhod*). Хозяева обязаны были поставить угощение работникам, для молодежи жатва также была способом оплаты за наем избы для проведения вечеринок [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 46. Л. 15].

Закончить работу старались к Ильину дню, дню памяти пророка Илии (20 июля), или Успенскому посту (1 августа). Вечером последнего дня жатвы устраивался семейный ужин — отжин, пожинки (с-к. *čirpīpiiroat*; ливв. *širpīpirai* — букв. «пи-роги серпа»), для которого стряпались пряженики, начиненные толокном¹² или пшеном, позже — рисом. Перед трапезой хозяйки вновь подвешивали «зажиночные» серпы к иконам, сямозерцы доставали хлебцы из-за икон и скармливали их скоту¹³ [Логозов 2008, 162]. Последний пучок несжатых колосьев, который называли бородой Ильи (варианты — борода Спаса, борода Укко¹⁴), оставляли на поле в качестве жертвы, чтобы Илья обеспечил урожайность в следующем году. Т. А. Бернштам сравнивала несжатые колосья с «пуповиной» нивы, которую жницы завязывали и оставляли на поле [Бернштам, 1988, 155–156]. В целом элементы этого праздника связаны с мужскими атрибутами и акторами: Бог-громовец / пророк Илья, борода, рожь. В то же время основными исполнительницами обрядов были женщины, игравшие роль повитух.

¹² У карелов-ливвиков д. Гошкила этот день даже назывался *talkunpruazn'iekku* — букв. «праздник толокна».

¹³ Вместе с тем существовали вариации данного обряда. Так, суоярвские карелы испеченные хлебцы не хранили до окончания сбора урожая, а отдавали скоту после первого сева [Огнева, Конкка 2013, 121].

¹⁴ Православный святой Илья в карельской традиции «перенял» основные функции языческого верховного бога-громовец Укко [Конкка 2015, 127].

Они отвечали за благополучное завершение «родов земли» и оставляли жертву для удачного будущего урожая, таким образом замыкая цикл основных полевых работ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были представлены некоторые земледельческие занятия карелов, при этом основное внимание было уделено посевным и жатвенным работам, а также роли главных действующих лиц и их связи с «мужским» и «женским» началом. Представленные материалы свидетельствуют об общих элементах гендерной символики земледельческого календаря карелов и соседних этнических групп, а также в русской традиции. Засевание поля соотносилось с актом символического оплодотворения земли и выполнялось мужчиной, тогда как сбор урожая осуществлялся женщиной, которая помогала «матери-земле» и выполняла роль повитухи. Вместе с тем специфика природно-климатических условий и аграрно-промысловый тип хозяйствования отразились на повседневных практиках карельского крестьянства. Так, сеятелем в случае отсутствия трудоспособных мужчин на промыслах могла стать женщина. Схожий сценарий имел место в военные и послевоенные годы. При этом с расширением огородничества у карелов

в последней четверти XIX — начале XX в. на огороде весь цикл работ, включая сев овощей и ритуальные действия, считался женской обязанностью. Можно предположить, что подобное отношение не в последнюю очередь было связано с местом участка, примыкающим к пространству дома — «женскому» пространству; вспомогательную роль огородничества в структуре хозяйствования; меньшими по сравнению с разработкой подсеки трудозатратами. В целом «инверсия» гендерных ролей была вынужденной и носила односторонний характер — женщины могли выполнять мужскую роль в качестве сеятеля, тогда как привлеченные источники не содержат сведений об участии крестьянина в жатвенных обрядах.

Гендерные представления не составляли особую часть народной культуры, а пронизывали все ее сферы, пространство и предметный мир. Кроме того, половой символизм являлся значимым классификационным признаком, на котором базировался порядок традиционной культуры. Вместе с тем приведенные в статье примеры не являлись императивами, а представляли собой идеальную, желаемую действительность. Это модели, на которые ориентировались, но реальная жизнь отличалась вариативностью и разнообразием сюжетных линий.

Источники и материалы

Карельско-русский словарь 1999 — Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты) / Сост. П. Зайков, Л. Ругоева. Петрозаводск, 1999.

Макаров, Рягов 1969 — Макаров Г. Н., Рягов В. Д. Образцы карельской речи: говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969.

Маслова 1980 — Маслова Г. С. Материалы по аграрному календарю карел юго-западной Карелии // Полевые исследования Института этнографии. М., 1980. С. 220–226.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6 — Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 475. Полевой дневник Никольской Р. Ф. Сегозерье, 1973. 52 л.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20 — Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 282. Отчет о работе этнографической экспедиции в Олонецком и Пряжинском районах КАССР летом 1957 года. Р. Ф. Тароева. 67 л.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29 — Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1.

Оп. 29. Д. 46. Материалы этнографической экспедиции 1957 г. в Олонецкий и Пряжинский районы. Т. 1. Полевой дневник Р. Ф. Тароевой. 92 л.; Д. 55. Материалы этнографической экспедиции в Кондопожский и Медвежьегорский р-ны Карельской АССР в 1958 г. Т. 2. Полевой дневник Н. И. Подволокиной, 1958 г. 31 л.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32 — Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 98. Село Ильинское Олонецкого уезда. Авторизов. рукопись учителя Петра Миролюбова. 1875.

№1894 — Н. Подсечное хозяйство в Ребольской волости Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 98. С. 6–7.

Никольский 1906 — Никольский И. Деревня Проккойла и народное образование в ней // Олонецкие губернские ведомости. 1906. № 120. С. 3.

Словарь 1990 — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Сопоставительно-ономасиологический словарь 2007 — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского,

вепского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой; Сост. А. П. Баранцев и др. Петрозаводск, 2007.

KKS I — Karjalan Kielen Sanakirja. I. A — J. Toim. P. Virtaranta. Helsinki, 1968.

KKS II — Karjalan Kielen Sanakirja. II. K. Toim. P. Virtaranta. Helsinki, 1974.

KKS III — Karjalan Kielen Sanakirja. III. L — N. Toim. P. Virtaranta. Helsinki, 1983.

KKS IV — Karjalan Kielen Sanakirja. IV. O — P. Toim. R. Koponen. Helsinki, 1993.

KKS V — Karjalan Kielen Sanakirja. V. R — S. Toim. R. Koponen. Helsinki, 1997.

KKKS VI — Karjalan Kielen Sanakirja. VI. T — Ö. Toim. R. Koponen. Helsinki, 2005.

Lyydiläisiä tekstejä 1963 — Lyydiläisiä tekstejä = Lüdische Texte: 1. Osa. Toim. P. Virtaranta. Helsinki, 1963.

Lyydiläismurteiden sanakirja. Toim. J. Kujola. Helsinki, 1944.

SKMT III — Suomen kansan muinaisia taikoja III: Maanviljelystaijoja. Toim. A. V. Rantasalo. *Virittäjä*, v. 17, n.p. 107, tammi. 1913.

Исследования

Баданов 2005 — Баданов В. Г. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 1: Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции, конец XV — начало XX в. Петрозаводск, 2005.

Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бернштам 1985 — Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде XIX–XX вв. // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120–147.

Бернштам 1988 — Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX века. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Верхний Олонец 1964 — Верхний Олонец — поселок лесорубов (опыт этнографического описания) / Отв. ред. К. В. Чистов. М.; Л., 1964.

Винокурова 1994 — Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994.

Винокурова 2015 — Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск, 2015.

Винокурова, Логинов 2010 — Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Р. Ф. Никольская и становление этнографической науки в Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 132–140.

Деревня Юккогуба 2001 — Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2001.

Зеленин 1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Иванова 2016 — Иванова Л. И. Низшая мифология карелов: генезис, образная система и хронотоп // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования: Матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 70-летию КарНЦ РАН (24–27 мая 2016 г.). Петрозаводск, 2016. С. 214–215.

Илюха 2007 — Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб., 2007.

История и культура Сямозерья 2008 — История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008.

Кабакова 2001 — Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

Карельская крестьянка 2012 — Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников второй половины XIX — начала XX в.: Сборник документов и материалов / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2012.

Клементьев 1988 — Клементьев Е. И. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг.: Историко-социологические очерки. Л., 1988.

Клементьев 2003 — Клементьев Е. И. Традиционные хозяйственные занятия // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 220–228.

Кожанов 1986 — Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 5–20.

Кон 1983 — Кон И. С. Этнография и проблемы пола // Советская этнография. 1983. № 3. С. 25–34.

Конкка 2015 — Конкка А. П. Материалы по традиционным карельским праздникам северо-западных деревень // На плечах Большой Медведицы: Избранные статьи. Петрозаводск, 2015. С. 125–164.

Кочуркина 2011 — Кочуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей: Средние века. Петрозаводск, 2011.

Кочуркина 2015 — Кочуркина С. И. Археологические памятники и этносы на территории Карелии в эпоху Средневековья // Истоки Карелии: время, территория, народы: Междисциплинарные исследования. Петрозаводск, 2015. С. 35–148.

Логинов 2008 — Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008. С. 153–236.

Материальная культура 1981 — Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала

XX века / Отв. ред. Е. И. Клементьев; Изд. подгот. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л., 1981.

Мужики и бабы 2005 — Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: Ил. энцикл. / Науч. ред. И. И. Шангина. СПб., 2005.

Никольская 1983 — *Никольская Р. Ф.* Традиционно-бытовая культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 103–152.

Обряды и верования 1992 — Обряды и верования народов Карелии / Науч. ред. Ю. Ю. Сурхаско, А. П. Конкка. Петрозаводск, 1992.

Обряды и верования 1994 — Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл / Науч. ред. И. Ю. Винокурова, Ю. Ю. Сурхаско. Петрозаводск, 1994.

Огнева, Конкка 2013 — *Огнева О. В., Конкка А. П.* Праздники и будни: карельский народный календарь. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск, 2013.

Олсон, Адоньева 2016 — *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины / Пер. с англ. А. Зиндер. М., 2016.

Панозеро 2003 — Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003.

Прибалтийско-финские народы 2003 — Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003.

Пушкарева 1989 — *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.

Пушкарева 1997 — *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X — начала XIX в.: Невеста, жена, любовница. М., 1997.

Руотси 1913 — *Руотси Н.* О Карелии // Исследования Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 6. С. 103–106.

Спиридонов, Герман, Мельников 2012 — *Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В.* Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. 165 с.

Спиридонов 2013 — *Спиридонов А. М.* Западное Прионежье: из «саамского желез-

ного века» в Средневековье. Петрозаводск, 2013. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/spiridonov/zap_prion/total.pdf (дата обращения: 09.08.2017).

Суйсарь 1997 — Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред. Т. В. Краснополяская, В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1997

Сурхаско 1977 — *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л., 1977.

Сурхаско 1985 — *Сурхаско Ю. Ю.* Семейные обряды и верования карел. Конец XIX — начало XX в. Л., 1985.

Тароева 1965 — *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л., 1965.

Холодная — *Холодная В. Г.* Кулич // Российский этнографический музей. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/prazdniki/kulich> (дата обращения: 09.06.2017).

Холодная 2005 — *Холодная В. Г.* Сеятель // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: Ил. энцикл. / Науч. ред. И. И. Шангина. СПб., 2005. С. 596–600.

Шангина 2005 — *Шангина Н.* Жнея // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: Ил. энцикл. / Науч. ред. И. И. Шангина. СПб., 2005. С. 215–220.

Этнические стереотипы 1991 — Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А. К. Байбурун, И. С. Кон. СПб., 1991.

Этнография 1987 — Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987.

Hautala 1982 — *Hautala J.* (toim.) Vanhat merkkipäivät. Jyväskylä, 1982.

Keinänen 2003 — *Keinänen L.-M.* Creating Bodies: Childbirth Practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003.

Сокращения

с-к. — собственно-карельское наречие карельского языка

ливв. — ливвиковское наречие карельского языка

люд. — людиковское наречие карельского языка

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвин Ю. В. <https://orcid.org/0000-0002-2369-4987>

Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-44-96; e-mail: litvinjulia@yandex.ru

SOWING AND HARVESTING: AGRICULTURAL CALENDAR OF KARELIANS THROUGH THE LENS OF GENDER APPROACH

YULIYA V. LITVIN

(Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center,
Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910,
Russian Federation)

Summary. *The article analyzes the traditional field operations of Karelians (sowing and harvesting) through the lens of the gender approach. The research is based on ethnographic descriptions of the late 19th — early 20th century, the materials of the first complex ethnographic expeditions to Karelia, as well as lexical data. Karelians were aware of two forms of land use — slash-and-burn and three-field systems of agriculture. The first was widespread in all groups of Karelians and retained its importance up to collectivization.*

The author concludes on the similarity of common elements of the gender symbolism in Karelian agricultural rites with neighboring ethnic groups, as well as with the Russian tradition. Thus, the sowing of the field was correlated with the act of symbolic fertilization of the earth and was performed by men, while the harvest was carried out by women reapers who helped “mother-earth” to give birth and perform the role of midwives. At the same time, the agrarian and commercial type of household affected the everyday practices of the Karelian peasants — in the case of the absence of employable men in seasonal works or during wars, women could become seeders. Such “inversion” of gender roles was forced and one-sided: women could perform a male role as a seeder, while the collected materials and sources did not contain information about the participation of men in the harvesting ceremonies.

Key words: *traditional field operations, ethnography of Karelians, gender approach.*

Acknowledgements. *The paper is prepared within the framework of the research “Peoples of Karelia: ethnic and ethno-local traditions in their historical dynamics” No. 0225–2018–0017.*

References

- Badanov V. G.** (2005) *Istoriya ekonomiki Karelii* [History of the economy of Karelia]. In 3 books. Book 1. Petrozavodsk. In Russian.
- Bayburin A. K.** (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites]. St. Petersburg. In Russian.
- Bayburin A. K., Kon I. S.** (ed.) (1991) *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. St. Petersburg. In Russian.
- Bernshtam T. A.** (1985) *Budni i prazdniki: povedenie vzroslykh v russkoy krest'yanskoj srede XIX–XX vv.* [Everyday life and holidays: the behavior of adults among in the Russian peasants world of the 19th — the 20th centuries]. In: *Etnicheskie stereotipy povedeniya* [Ethnic behavior stereotypes]. Leningrad. Pp. 120–147. In Russian.
- Bernshtam T. A.** (1988) *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX — nachala XX veka. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community of the 19th — the early 20th century. The age and sex aspects of traditional culture]. Leningrad. In Russian.
- Chistov K. V.** (ed.) (1964) *Verkhniy Olonets — poselok leSORubov (opyt etnograficheskogo opisaniya)* [Upper Olonets — village of lumberjacks (experience of ethnographic description)]. Moscow; Leningrad. In Russian.
- Chistov K. V.** (ed.) (1987) *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kul'tury* [Ethnography of the Eastern Slavs. Essays on Traditional Culture]. Moscow. In Russian.
- Hautala J.** (ed.) (1982) *Vanhat merkkipäivät* [Old holidays]. Jyväskylä. In Finnish.
- Ilyukha O. P.** (2007) *Shkola i detstvo v karel'skoy derevne v kontse XIX — nachale XX veka* [School and childhood in the Karelian village in the late 19th — the early 20th century]. St. Petersburg. In Russian.
- Ilyukha O. P.** (ed.) (2012) *Karel'skaya krest'yanka v zerkale istoriko-etnograficheskikh istochnikov vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.* [Karelian peasant woman in the mirror of historical and ethnographic sources of the second half of the 19th — the early 20th century]. Coll. of documents and materials. Petrozavodsk. In Russian.
- Ivanova L. I.** (2016) *Nizshaya mifologiya karelov: genezis, obraznaya sistema i khronotop* [Lower mythology of Karelians: genesis, figurative system and chronotope]. In: *Roľ nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental'nye*

i prikladnye issledovaniya [The role of science in solving the problems of the region and the country: fundamental and applied research]. Mat. of the All-Russian sc. conf. with int. particip. dedicated to the 70th anniversary of the KarRC, RAS (May the 24th — the 27th, 2016). Petrozavodsk. Pp. 214–215. In Russian.

Kabakova G. I. (2001) Antropologiya zhen-skogo tela v slavyanskoy traditsii [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. Moscow. In Russian.

Keinänen L.-M. (2003) Creating bodies. Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm. In English.

Kholodnaya V. G. (2005) Seyatel' [Seeder]. In: Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoy traditsionnoy kul'ture [Men and women. Male and female in Russian traditional culture]. Ed. by I. I. Shangina. St. Petersburg. Pp. 596–600. In Russian.

Kholodnaya V. G. Kulich [Kulich (Easter sweet bread)]. In: Rossiyskiy etnograficheskiy muzey [Russian Ethnographic Museum]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/prazdniki/kulich> (retrieved: 09.06.2017).

Klement'ev E. I. (1988) Sel'skaya sreda i nase-lenie Karelii 1945–1960 gg.: istoriko-sotsiologich-eskie ocherki [The rural environment and population of Karelia in 1945 — the 1960s: historical and sociological essays]. Leningrad. In Russian.

Klement'ev E. I. (2003) Traditsionnye kho-zyaystvennye zanyatiya [Traditional economic activities]. In: Pribaltiysko-finskie narody Rossii [The Baltic-Finnic peoples of Russia]. Ed. by E. I. Klement'ev, N. V. Shlygina. Moscow. Pp. 220–228. In Russian.

Klement'ev E. I., Shlygina N. V. (ed.) (2003) Pribaltiysko-finskie narody Rossii [The Baltic-Finnic peoples of Russia]. Moscow. In Russian.

Kochkurkina S. I. (2011) Istoriya i kul'tura narodov Karelii i ikh sosedy. Srednie veka [History and culture of the peoples of Karelia and their neighbors. Middle Ages]. Petrozavodsk. In Russian.

Kochkurkina S. I. (2015) Arkheologicheskie pamyatniki i etnosy na territorii Karelii v epokhu Srednevekov'ya [Archaeological monuments and ethnic group on the territory of Karelia in the Middle Ages]. In: Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody [The cradle of Karelia: time, territory, peoples]. Petrozavodsk. Pp. 35–148. In Russian.

Kon I. S. (1983) Etnografiya i problemy pola [Ethnography and gender issues]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1983. No. 3. Pp. 25–34. In Russian.

Konkka A. P. (2015) Na plechakh Bol'shoy Medveditsy. Izbrannye stat'i [On the shoulders of the Great She-bran. Selected papers]. Petrozavodsk. In Russian.

Konkka A. P., Orfinskiy V. P. (ed.) (2003) Panozero: serdtse Belomorskoy Karelii [Panozero: the heart of the White Sea Karelia]. Petrozavodsk. In Russian.

Kozhanov A. A. (1986) Izmeneniya v etni-cheskom sostave sel'skogo naseleniya Karelskoy ASSR v poslevoenny period (1945–1979 gg.) [Changes in the ethnic structure of the rural population of the Karelian ASSR in the post-war period (1945–1979)]. In: Etnokul'turnye protsessy v Karelii [Ethno-cultural processes in Karelia]. Petrozavodsk. Pp. 5–20. In Russian.

Krasnopol'skaya T. V., Orfinskiy V. P. (ed.) (1997) Suysar': istoriya, byt, kul'tura [Suisaari: history, everyday life, culture]. Petrozavodsk. In Russian.

Loginov K. K. (2008) Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya [Material culture and industrial magic]. In: Istoriya i kul'tura Syamozer'ya [History and culture of Syamozero county]. Ed. by V. P. Orfinskiy. Petrozavodsk. Pp. 153–236. In Russian.

Nikol'skaya R. F. (1983) Traditsionno-by-tovaya kul'tura [Traditional and everyday culture]. In: Karely Karelskoy ASSR [Karelians of the Karelian ASSR]. Ed. by A. S. Zherbin. Petrozavodsk. Pp. 103–152. In Russian.

Nikol'skaya R. F., Kosmenko A. P. (comp.) (1981) Material'naya kul'tura i dekora-tivno-prikladnoe iskusstvo segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX veka [Material culture and arts and crafts of Segozero Karelians of the late 19th — the early 20th century]. Leningrad. In Russian and in Karelian.

Ogneva O. V., Konkka A. P. (comp.) (2013) Prazdniki i budni: karelskiy narodnyy kalendar' [Holidays and everyday life: Karelian folk calendar]. Petrozavodsk. In Russian and in Karelian.

Olson L., Adon'eva S. (2016) Traditsiya, trans-gressiya, kompromiss: Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny [Tradition, transgression, compromise: Worlds of a Russian village woman]. Moscow. In Russian.

Orfinskiy V. P. (ed.) (2001) Derevnaya Yukkoguba i ee okruga [The village of Yukkoguba and its vicinities]. Petrozavodsk. In Russian.

Orfinskiy V. P. (ed.) (2008) Istoriya i kul'tura Syamozer'ya [History and culture of Syamozero county]. Petrozavodsk. In Russian and in Karelian.

Pushkareva N. L. (1989) Zhenshchiny Drevney Rusi [Women of Old Russia]. Moscow. In Russian.

Pushkareva N. L. (1997) Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noy Rossii X — nachala XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnititsa [Private life of a woman in pre-industrial Russia from the 10th to the early 20th century. Bride, wife, mistress]. Moscow. In Russian.

Ruotsi N. (1913) O Karelii [About Karelia]. *Issledovaniya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [Research of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. 1913. No. 6. Pp. 103–106.

Shangina I. I. (ed.) (2005) Muzhiki i baby: Muzhskoe i zhenskoe v russkoy traditsionnoy kul'ture [Men and women: male and female in Russian traditional culture]. St. Petersburg. In Russian.

- Shangina N.** (2005) Zhneya [Female harvester]. Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v ruskskoy traditsionnoy kul'ture [Men and women: male and female in Russian traditional culture]. Ed. by I.I. Shangina. St. Petersburg. Pp. 215–220. In Russian.
- Spiridonov A. M.** (2013) Zapadnoe Prionezh'e: iz "saamskogo zheleznogo veka" v Srednevekov'e [Western Prionezhie: from the "Sami Iron Age" in the Middle Ages]. Petrozavodsk. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/spiridonov/zap_prion/total.pdf (retrieved: 09.08.2017). In Russian.
- Spiridonov A. M., German K. E., Mel'nikov I. V.** (2012) Yuzhnoe Zaonezh'e v X–XVI vekakh (arkheologiya tsentra Kizhskogo pogosta) [Southern Zaonezhie in the 10–16 centuries (archeology of the center of the Kizhi Pogost)]. Petrozavodsk. In Russian.
- Sur<k>hasko Yu. Yu.** (1977) Karelskaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX — nachalo XX v.) [Karelian wedding ceremoniality (the late 19th — the early 20th century)]. Leningrad. In Russian.
- Sur<k>hasko Yu. Yu.** (1985) Semeynye obryady i verovaniya karel. Konets XIX — nachalo XX v. [Family rites and beliefs of Karelians: the late 19th — the early 20th century]. Leningrad. In Russian.
- Surkhasko Yu. Yu., Konkka A. P.** (ed.) (1992) Obryady i verovaniya narodov Karelii [Rites and beliefs of the peoples of Karelia]. Petrozavodsk. In Russian and in Karelian.
- Taroeva R. F.** (1965) Material'naya kul'tura karel (Karelskaya ASSR) [Material culture of Karelians (Karelian ASSR)]. Moscow; Leningrad. In Russian.
- Vinokurova I. Yu.** (1994) Kalendarnye oby-chai, obryady i prazdniki vepsov (konets 19 — nachalo 20 v.) [Calendar customs, rites and holidays of the Vepsians (the late 19th — the early 20th century)]. St. Petersburg. In Russian.
- Vinokurova I. Yu.** (2015) Mifologiya vepsov: entsiklopediya [Mythology of the Vepsians: Encyclopedia]. Petrozavodsk. In Russian and in Veps.
- Vinokurova I. Yu., Loginov K. K.** (2010) R. F. Nikol'skaya i stanovlenie etnograficheskoy nauki v Karelii [R. F. Nikol'skaya and formation of ethnographic scholarship in Karelia]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Research Center of the RAS]. 2010. No. 4. Pp. 132–140. In Russian.
- Vinokurova I. Yu., Sur<k>hasko Yu. Yu.** (eds.) (1994) Obryady i verovaniya narodov Karelii: chelovek i ego zhiznennyy tsikl. [Rites and beliefs of the people of Karelia: a human and his life cycle]. Petrozavodsk. In Russian and in Karelian.
- Zelenin D. K.** (1991) Vostochnoslavjanskaya etnografiya [East Slavic ethnography]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Litvin Y. V. <https://orcid.org/0000-0002-2369-4987>

E-mail: litvinjulia@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-2369-4987>

Tel.: +7 (8142) 78-44-96

PhD (History), junior researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

---